

Научная статья

УДК 811.14:811.161.1'373.44

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18

Концептуализация горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния

Татьяна Станиславовна Борисова¹
Людмила Владимировна Табаченко²

¹Афинский национальный университет им. И. Каподистрии
Афины, Греция

²Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

¹tatianaborissova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7729-0013>

²lvtabachenko@sfsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

Аннотация

Данная статья посвящена русским и греческим глаголам, обозначающим горизонтальное положение лица или предмета в пространстве. Сопоставительный анализ русского и церковнославянского позиционного глагола состояния *лежать/лежати* с его греческими аналогами был проведен в диахронном аспекте с использованием лингвотекстологического метода. Материалом для исследования послужили шесть церковнославянских и русских переводов (редакций) и четыре новогреческих переложения Евангелия, в которых было выделено 44 соответствующих контекста, а также дополнительный материал из других библейских книг. Историко-сопоставительное исследование выявило отсутствие в греческом языке лексического средства выражения горизонтального положения в пространстве относительно поверхности. В древнегреческом языке в данной функции использовался глагол состояния *κεῖσθαι*, а при необходимости пространственной конкретизации позиции – его приставочные дериваты. В новогреческом же языке данный глагол выходит из активного употребления, в большинстве случаев заменяясь грамматическими формами соответствующих каузативов и автокаузативов либо абстрактными экзистенциальными глаголами. Напротив, в церковнославянском и русском языке на протяжении всего рассматриваемого периода позиция лица или объекта играет важную роль при концептуализации пространства, находя свое лексическое выражение в позиционных глаголах состояния, активно употребляемых даже в тех случаях, когда конкретизация позиции в сочетании с определенным актантом избыточна. С другой стороны, сохранение семантики состояния приводит к низкому деривативному потенциалу глагола *лежать* в сочетании с пространственными приставками из-за развившейся у последних семантики предельности (результативности) и вследствие этого к необходимости передачи семантики греческих префиксов дополнительными (лексическими и синтаксическими) средствами. В целом результаты работы выявили существенные и глубинные различия в концептуализации позиционного состояния в греческом и русском языках, что необходимо учитывать при разработке национально ориентированных методик преподавания второго (иностранного) языка.

Ключевые слова

позиционные глаголы, глагол *лежать*, глаголы состояния, лингвотекстологический метод, историко-сопоставительная лексикология, Евангелие, греческий язык, русский язык

Для цитирования

Борисова Т. С., Табаченко Л. В. Концептуализация горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18

© Борисова Т. С., Табаченко Л. В., 2022

Conceptualization of the Horizontal Position in Space in Russian and Greek Stative Verbs

Tatiana S. Borisova¹, Lyudmila V. Tabachenko²

¹National and Kapodistrian University of Athens
Athens, Greece

²Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

¹tatianaborissova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7729-0013>

²lvtabachenko@srfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

Abstract

The paper deals with the Russian and Greek verbs denoting the horizontal position of a person or an object in space. A comparative analysis of the Russian and Church Slavonic positional stative verb *лежать/лежати* with its Greek counterparts has been carried out in the diachronic perspective by means of the linguistic-textual method. The research is based on the material of six Church Slavonic and Russian translations as well as on four Modern Greek translations (editions) of the Gospel, in which 44 relevant contexts have been identified; besides additional material from some other Bible books has been used. Historical and comparative research has shown that the Greek language doesn't possess lexical means of expressing a horizontal position in space. In Ancient Greek, the stative verb *κειμαι* was used in this function, in case spatial concretization of position was relevant, it used its prefixed derivatives. In Modern Greek this verb becomes obsolete and in most cases is replaced by the grammatical forms of the corresponding causatives and autocausatives or by abstract existential verbs. On the contrary, in Church Slavonic and Russian throughout the period under consideration, the position of a person or an object has played an important role in space conceptualization, finding its lexical manifestation in the positional stative verbs, widely used even when the concretization of the position in combination with a certain actant is redundant. On the other hand, the preservation of the stative semantics leads to a low derivative potential of the verb *лежать* in combination with spatial prefixes due to the meaning of finiteness (resultativity) which they developed. Consequently, the semantics of Greek prefixes has to be conveyed by additional (lexical and syntactic) means. Generally, the results of the work have revealed significant and deep differences in the conceptualization of the positional state in Greek and Russian, which has to be taken into account when developing nationally/culturally oriented methods of teaching a second (foreign) language.

Key words

positional verbs, verb *лежать*, stative verbs, linguistic-textual method, historical comparative lexicology, Gospel, Greek language, Russian language

For citation

Borisova, T. S., Tabachenko, L. V. Conceptualization of the Horizontal Position in Space in Russian and Greek Stative Verbs. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18

Введение

Позиционные глаголы, описывающие базовые состояния картины мира человека [Кустова, 2000, с. 85–86], входят в основной словарный фонд каждого языка, в состав древнейших семантических моделей, являющихся ядром для развития вторичных номинаций и языкового расширения.

В русском языке основу ЛСГ позиционных глаголов составляют глаголы *стоять*, *лежать*, *сидеть*, обозначающие положение тела относительно поверхности, или его позицию: вертикальную, горизонтальную, вертикально-горизонтальную. Эти глаголы недеятельного процессуального состояния [Русская грамматика, 1980, с. 252] отличаются от соответствующих каузативов и автокаузативов изменения положения в пространстве (*ставить/поставить*, *сажать/посадить*, *класть/положить*, *вставлять/вставить*, *садиться/сесть*, *ложиться/лечь*) и, обозначая онтологически неопредельное состояние, обладают рядом грамматических особенностей, в частности, несовершенным видом при отсутствии видовой пары (одновидовые глаголы *imperfectiva tantum*) и непереходностью.

Исследование позиционных глаголов находится на пересечении актуальных направлений когнитивной лингвистики, истории языка, сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии, а также методики преподавания русского языка как иностранного [Корнева, 2006]. Их тесная связь с концептом пространства – одним из ключевых концептов лингвокультуры каждого языка – делает их изучение особенно интересным в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах, а также находит практическое применение в методике преподавания иностранных языков, так как правильное употребление данных глаголов на неродном языке свидетельствует о высоком уровне языковой компетенции и понимании глубинных лингвистических структур.

Цель настоящей работы – на основе историко-сопоставительного анализа выявить особенности концептуализации горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния, а также их изменения в исторической перспективе и возможные взаимовлияния.

Объект данного исследования – русский позиционный глагол *лежать* в сопоставлении с его греческими соответствиями.

Русский глагол *лежать* является глаголом состояния, в значениях которого могут быть реализованы:

- позиционная семантика – ‘горизонтальное положение относительно поверхности’;
- пространственно-позиционная семантика – ‘нахождение предмета в определенном месте в горизонтальной позиции’;
- пространственно-статальная семантика – ‘нахождение в определенном месте в состоянии неподвижности, покоя’. Комбинация локального и статального семантических компонентов формирует у глагола *лежать*, указывающего на наиболее неактивную – горизонтальную – позицию, при сочетании с актантами, обозначающими неодушевленные объекты, значение ‘храниться где-л., лежать без употребления’ (нефункциональность) (о реализации нелокативных функциональных компонентов значений глаголов *стоять* и *лежать* в современном русском языке см. [Рахилина, 1998]);
- абстрактно-экзистенциальная семантика, сводящаяся к констатации факта существования объекта.

Сопоставительный анализ двуязычных [Хориков, 1993], а также одноязычных толковых словарей [Μπαμπινιώτης, 2002] выявил отсутствие в новогреческом языке единого лексического эквивалента для данного русского глагола. Ближайшими его лексическими соответствиями можно считать:

1. Глагол ξαπλώνω, одновременно являющийся:

- каузативом (‘приводить в горизонтальное положение, укладывать спать’): Η μάμá ξάπλωσε το μωρό στην κούνια. = *Мама уложила младенца в кроватку*;
- автокаузативом (‘занимать горизонтальное положение, ложиться спать’): Ξάπλωσα για να ξεκουραστώ. = *Я лег отдохнуть*;
- глаголом состояния (‘находиться в горизонтальном положении, спать’): Ξάπλωνα στο καναπέ και διάβαζα. = *Я лежал на диване и читал*.

Данный глагол действительного залога (ενεργητική φωνή) употребляется исключительно в позиционном значении для обозначения горизонтальной позиции лиц и, реже, животных. Актуализация его каузативной, автокаузативной или семантики состояния в речи происходит как на основе грамматических показателей (при помощи употребления временных форм с законченной либо длительной грамматической семантикой), так и синтаксически (наличие либо отсутствие прямого дополнения). Для обозначения состояния, помимо временной формы глагола, употребляется и причастие в сочетании со вспомогательным глаголом: είμαι ξαπλωμένος (‘быть лежащим’).

2. Глагол состояния κείτομαι, который ограничен в употреблении книжной речью и с морфологической точки зрения относится к отложительным глаголам (αποθετικά ρήματα), употре-

бляемый исключительно в форме страдательного залога (παθητική φωνή) с так называемой нейтральной диатезой (ουδέτερη διάθεση). Данный глагол имеет:

- пространственно-позиционную и пространственно-статальную семантику ('пребывать неподвижно где-либо в горизонтальном положении'), реализуемую с актантами, обозначающими прежде всего тяжело больных или умерших людей или животных: Οι νεκροί άνθρωποι κείτονται στους δρόμους. = *Мертвые люди лежат на дорогах*. Отсюда происходит и вторичное значение глагола, обусловленное также его книжным, традиционным характером, – 'быть похороненным': Σε αυτό το νεκροταφείο κείται η γιαγιά μου. = *На этом кладбище лежит (похоронена) моя бабушка*.
- пространственно-статальную и экзистенциальную семантику в сочетании с актантами, называющими неодушевленные предметы ('находиться, быть расположенным, простирается, принадлежать'): Στα πόδια του Παρθενώνα κείτονται καλύβες. = *У подножия Парфенона находятся лачуги*.

Этот глагол происходит от древнегреческого отложительного глагола κείμαι ('лежать; находиться, быть; быть поставленным, назначенным, положенным').

3. Глаголы с абстрактной пространственной или экзистенциальной семантикой, такие как εἶμαι ('быть'), βρίσκομαι ('находиться'), υἰάρχω ('существовать'), употребляемые со всеми актантами без семантических и грамматических ограничений.

Сложность передачи в греческом языке семантики, выражаемой русским глаголом *лежать*, и отсутствие однозначных лексических соответствий свидетельствуют об иной концептуализации позиционного состояния в греческом языке, создающей принципиальные трудности при переводе или изучении иностранного языка. В рамках данной работы мы предлагаем сопоставительно-исторический подход к этой проблеме, который основан на сравнении употреблений соответствующих глаголов в редакциях одних и тех же текстов, относящихся к разным языковым и временным планам.

1. Методы и источники

Основным методом исследования стал лингвотекстологический метод, определяемый как «система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении списков одного памятника с целью восстановления картины истории языка, получившей свое преломление (отражение) в развитии языка памятника» [Панин, 1995, с. 101].

В качестве материала для исследования был выбран текст Евангелия в древнегреческом оригинале, церковнославянских и русских переводах (редакциях) X–XX веков, а также новогреческих переложениях. Выбор евангельского текста в качестве материала исследования был обусловлен следующими факторами:

- повествовательным и описательным характером текста и, как следствие, наличием в нем достаточного количества анализируемых глагольных форм;
- большим количеством разновременных переводов и переложений, дающих возможность проследить за языковыми изменениями;
- разработанной текстологической традицией [Алексеев, 1999], на основании которой исследователь может пропустить две предварительные стадии лингвотекстологического исследования: типологическую и текстологическую [Жуковская, 1976, с. 19–20];
- наконец, сакральным характером текста, повышающим требования к точности переводов и переложений и, как следствие, делающим лингвистические выводы, полученные на основании данного материала, более достоверными.

Помимо исходного древнегреческого текста, для исследования были привлечены следующие переводы/редакции и переложения Евангелия:

- церковнославянская редакция Евангелия, восходящая к древнейшим славянским переводам и рассмотренная по Остромирову Евангелию (1056/1057)¹ (далее – ОЕ);
- отредактированный церковнославянский текст Евангелия, проанализированный по первому восточнославянскому своду Библейских книг – Геннадиевской Библии 1499 г. [Библия 1499, 1992, т. 7] (далее – ГБ);
- церковнославянская редакция Евангелия, вошедшая в Елизаветинскую Библию 1751 г. и до настоящего времени используемая в православном богослужении [Библия, 1762] (далее – ЕБ);
- русский перевод Евангелия XIX в. (Синодальный перевод), изданный в 1819 г. [Библия 1499, 1992, т. 7] (далее – СП);
- современный русский перевод с древнегреческого В. Н. Кузнецовой («Радостная Весть»), впервые изданный в 1993 г. [Радостная весть, 2007] (далее – РВ);
- современный русский перевод Ветхого и Нового Заветов, выполненный Всемирным Библейским переводческим центром в 2006 г. [Библия, 2011] (далее – WBTC);
- новогреческое переложение Библии на кафаревусу (консервативную книжную разновидность новогреческого языка), осуществленное выдающимся греческим книжником и просветителем XIX в. Неофитосом Вамвасом и впервые изданное в 1851 г. [Н Αγία Γραφή, 2017] (далее – MNB);
- новогреческое переложение Нового Завета на «упрощенную кафаревусу»², получившее название «Перевод четырех профессоров». Издание подготовлено четырьмя профессорами Богословского факультета Фессалоникийского университета (В. Веллас, Е. Антониадис, А. Аливицатос, Г. Конидарис) и впервые издано в 1967 г. [Н Καὶνὴ Διαθήκη, 2015] (далее – NTV);
- новогреческое переложение Библии на димотику (современную народную разновидность греческого языка), осуществленное в конце XX в. под руководством Спироса Филоса и впервые изданное в издательстве «Пергамос» в 1994 г. под названием Н Αγία Γραφή – Μεταφορά στη Νεοελληνική [Н Αγία Γραφή, 2007]. Для составления данного переложения помимо исходного древнегреческого текста привлекалось вышеуказанное переложение Вамваса (далее – FPB);
- современное новогреческое переложение/перевод Библии с древнегреческого и древнееврейского языков на димотику, издаваемое Греческим библейским обществом начиная с 1997 г., [Н Αγία Γραφή, 2011] (далее – TGV) (обзор и полный список новогреческих переложений Нового Завета, а также библиографию по данному вопросу см. [Vasileiadis, 2022]).

Исследование проводилось методом сплошной выборки для глагола *лежать* (*лежати*) и его приставочных дериватов в церковнославянских и русских текстах Евангелия, а также глагола *κεῖμαι* и его приставочных дериватов в древнегреческом евангельском тексте. Для сопоставления привлекались данные из других библейских книг Нового и Ветхого Заветов. В целом было рассмотрено 44 контекста из Евангелия и 13 контекстов из других библейских книг.

Результаты и обсуждение

По результатам сопоставительного анализа рассмотренные контексты были разделены на следующие группы:

¹ Для исследования использовались фотокопии памятника с электронного ресурса РНБ «Остромирово Евангелие», URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/.

² Απλή καθαρεύουσα – упрощенная форма кафаревусы, в противоположность консервативной кафаревусе (αρχαῖζουσα καθαρεύουσα) в меньшей степени ориентированная на древнегреческие образцы. Вплоть до 1976 г. являлась официальным языком греческого государства. Подробнее о языковой ситуации в Греции см. [Елосева, 2017]

1. Бесприставочный глагол $\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$ в значении ‘лежать, покоемся в определенном месте’ в сочетании с актантами-лицами (живыми или умершими) (пространственно-статальная семантика). Важным семантическим ограничением данного глагола является его сочетаемость исключительно с агенсами, обозначающими людей, неспособных самостоятельно занять соответствующее положение в пространстве (умершие или младенцы). В Евангельских текстах выделено шесть следующих контекстов: Мф. 28:6; Лк. 2:12; Лк. 2:16; Лк. 2:34; Ин. 11:41; Ин. 20:12. Большинство церковнославянских и русских переводов актуализируют позиционную семантику греческого глагола, передавая его как *лежати/лежать* соответственно. Исключение составляет WBTC, где глагол *лежать* употреблен только в двух контекстах, в прочих же вместо него используются абстрактные пространственно-бытийные глаголы или конструкции, например:

Мф. 28:6: δεῦτε ἴδετε τὸν τόπον ὅπου ἔκειτο ὁ Κύριος,
 MNB: Ἐλθετε, ἴδετε τὸν τόπον ὅπου ἔκειτο ὁ Κύριος,
 NTV: Ἐλᾶτε, ἰδέτε τὸν τόπον, ὅπου ἦτο ὁ Κύριος,
 FPB: δεῖτε τον τόπο όπου ἦταν τοποθετημένος ο Κύριος,
 TGV: Ελάτε να δείτε το μέρος όπου βρισκόταν το σώμα του Κυρίου,
 OE: видита мѣсто. идеже лежа господь,
 СП: посмотрите место, где лежал Господь,
 PB: посмотрите, вот здесь Он лежал,
 WBTC: взгляните на место, где было Его Тело.

Из приведенного контекста видно, что в новогреческих переложениях, как правило, передается пространственная семантика без позиционных семантических компонентов при помощи соответствующих пространственно-бытийных глаголов $\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$ (‘быть’), $\beta\rho\acute{\iota}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ (‘находиться’). FPB заменяет глагол состояния на каузатив без позиционных уточнений $\tau\omicron\pi\omicron\theta\epsilon\tau\acute{o}$ (‘помещать’) в форме страдательного причастия: ἦταν τοποθετημένος (*был помещен*). Исключение составляют два контекста, описывающие младенца в яслях, для передачи которых в некоторых новогреческих переложениях используются позиционные глаголы $\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\omicron\mu\alpha\iota/\xi\alpha\pi\lambda\acute{\omega}\nu\omega$:

Лк. 2:16: ἀνεῦρον... τὸ βρέφος κείμενον ἐν τῇ φάτνῃ,
 MNB: εὑρον... τὸ βρέφος κείμενον ἐν τῇ φάτνῃ,
 NTV: εὗρηκαν... τὸ βρέφος νὰ εἶναι εἰς τὴν φάτνην,
 FPB: βρήκαν... το βρέφος να κείται μέσα στη φάτνη,
 TGV: βρήκαν... το βρέφος ξαπλωμένο στο παχνί,
 OE: обрѣтоша... младенець *лежащъ* въ яслѣхъ,
 СП: нашли... Младенца, *лежащего* в яслях,
 PB: нашли... ребенка, *лежащего* в яслях.

2. Близко к предыдущему и употребление глагола $\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$ в одном контексте во вторичном значении ‘быть похороненным’. Отметим, что во всех переводах и переложениях глагол состояния был заменен на каузативы, которые либо конкретизируют семантику погребения (NTV/FPB/PB), являясь, по существу, интерпретацией греческого глагола с широким семантическим спектром, либо предлагают пространственно-каузативный (TGV: $\delta\epsilon\nu \epsilon\acute{\iota}\chi\alpha\nu \beta\acute{\alpha}\lambda\epsilon\iota$ ‘не помещали’) или позиционно-каузативный (ГБ/СП) варианты:

Лк. 23:53: καὶ ἔθηκεν αὐτὸ ἐν μνήματι... οὐ οὐκ ἦν οὐδεὶς οὐδέπω κείμενος,
 MNB: ἔθεσεν αὐτὸ ἐν μνημείῳ... ὅπου οὐδεὶς ἔτι εἶχεν ἐνταφιασθῆ,
 NTV: τὸ ἔβαλε εἰς... μνήμα, εἰς τὸ ὁποῖον κανεὶς ποτὲ δὲν εἶχε ἐνταφιασθῆ,
 FPB: το ἔβαλε σε τάφο... όπου δεν εἶχε ακόμα ενταφιαστεί κανένας,
 TGV: το ἔβαλε σ’ ἕνα... μνήμα, στο οποίο δεν εἶχαν βάλει ποτέ κανέναν,
 ГБ: и положи е въ гробѣ.. в немже не бѣ никто же никогда же *положень*,
 СП: положил его в гробе..., где еще никто *не был положен*,
 PB/ WBTC: положил в гробницу..., где еще никто *не был похоронен*.

3. Греческий бесприставочный глагол *κεῖμαι* употребляется в Евангелии в пространственно-статальном значении для описания характеристики неподвижного состояния неодушевленных объектов без каких-либо позиционных (вертикальная/горизонтальная позиция) либо функциональных (рабочее/нерабочее состояние) семантических ограничений.

В новогреческих переложениях вместо *κεῖμαι* используются глаголы *κεῖτομαι*, *εἶμαι* или *βρίσκομαι*, а также безглагольные конструкции. Позиционные и функциональные ограничения, существующие в русском языке, приводят к различной концептуализации данного греческого глагола и, соответственно, к выбору в качестве соответствий глаголов *лежать* или *стоять*. В зависимости от позиции и функционального состояния актанта-предмета в славянских и русских переводах употребляются:

3.1. Глагол *лежати/лежать* для обозначения горизонтально расположенных по отношению к поверхности объектов вне зависимости от их функционального состояния в следующих семи Евангельских контекстах: Мф. 3:10; Лк. 3:9; Лк. 24:12; Ин. 20:5; Ин. 20:6; Ин. 20:7; Ин. 21:9 (ср. также 1 Кор. 3:11; 2 Кор. 3:15), в частности:

Лк. 3:9: ἤδη δὲ καὶ ἡ ἀξίνη πρὸς τὴν ρίζαν τῶν δένδρων κεῖται,
 MNB: Ἦδη δὲ καὶ ἡ ἀξίνη κεῖται πρὸς τὴν ρίζαν τῶν δένδρων,
 NTV: Ἡ ἀξίνα εἶναι πιά κοντὰ εἰς τὴν ρίζαν τῶν δένδρων,
 FPB: Μάλιστα, ἡ ἀξίνα κεῖτεται ἤδη κοντὰ στη ρίζα τῶν δέντρων,
 TGV: Το τσεκούρι βρίσκεται κιόλας στη ρίζα τῶν δέντρων,
 ОЕ: оуже бо секира при корени дрѣва *лежитъ*,
 СП: Уже и секира при корне дерев *лежит*,
 РВ: Уже *лежит* наготове топор у ствола деревьев.

3.2. Глагол *стояти/стоять* для вертикально расположенных объектов, находящихся в функциональном состоянии, в следующих трех евангельских контекстах: Мф. 5:14; Ин. 2:6; Ин. 19:29 (ср. также Иерем. 24:1; Апок. 4:2), например:

Ин. 19:29: σκεῦος οὖν ἔκειτο ὄξους μεστόν,
 MNB: Ἐκειτο δὲ ἐκεῖ ἀγγεῖον πλήρες ὄξους,
 NTV: Ἐκεῖ εὐρίσκετο δοχεῖον γεμάτο ξύδι,
 FPB: Βρισκόταν δε ἐκεῖ ένα σκεῦος γεμάτο ξίδι,
 TGV: Εκεί κοντά, βρισκόταν ένα σκεῦος γεμάτο ξίδι,
 ОЕ: съсѣдъ же *стояаше* пълнь оцѣта,
 СП: Тут *стоял* сосуд, полный уксуса,
 РВ: Там *стоял* полный кувшин кислого вина,
 WBTC: Там *был* кувшин с уксусом.

3.3. Наконец, в случае, когда греческий глагол обозначает объект, традиционно занимающий вертикальное положение, однако в конкретном контексте находящийся в нерабочем состоянии (каменные водоносы, не наполненные водой), отмечается вариативность в его переводе – в церковнославянском языке он переводится глаголом *лежати*, подчеркивающим его нефункциональность, а в русском – *стоять*, отмечающим вытянутость по вертикали (один контекст, Ин. 2:6):

Ин. 2:6: ἦσαν δὲ ἐκεῖ ὑδρίαὶ λίθιναι ἑξ κείμεναι κατὰ τὸν καθαρισμὸν τῶν Ἰουδαίων,
 MNB: Ἦσαν δὲ ἐκεῖ ὑδρίαὶ λίθιναι ἑξ κείμεναι κατὰ τὸ ἔθος τοῦ καθαρισμοῦ τῶν Ἰουδαίων,
 NTV: Ὑπῆρχαν ἐκεῖ ἑξ πέτρινες στάμνες, κατὰ τὸ Ἰουδαϊκὸν ἔθιμον τοῦ καθαρισμοῦ;
 FPB: Καὶ υπῆρχαν ἐκεῖ ἑξὶ υδρίες πέτρινες, οἱ ὁποῖες κεῖτονταν σύμφωνα με τὴ συνήθεια τοῦ καθαρισμοῦ τῶν Ἰουδαίων,
 TGV: Εκεί βρίσκονταν ἑξὶ πέτρινες στάμνες... Χρειάζονταν γὰρ τὸν καθαρισμὸ που αἰταιούσε ο ἰουδαϊκὸς νόμος,

ОЕ: бѣше же тоу водоносъ каманъ шесть *лежашь* по очищению иудейскоу,
 ГБ/ЕБ: бахоу же тоу водоноси камени шесть *лежаше* по очищенію іудейскоу,
 СП: Было же тут шесть каменных водоносов, *стоявших* по обычаю очищения Иудейского,

РВ: Там было шесть каменных чанов — они *стояли* для обряда очищения, принятого у евреев,

WBTC: Там *стояло* шесть каменных кувшинов для воды, которую евреи употребляли для омовений.

4. В двух следующих контекстах: Лк. 2:34; Лк. 12:19 (ср. также 2 Езд. 6:1; 1 Тим. 1:9; 1 Иоан. 5:19; 1 Фес. 3:3; Фил. 1:16; Апок. 21:16) глагол *κεῖμαι* употребляется в статальном ('быть неподвижным, находиться без движения или без употребления') или абстрактном экзистенциальном значении ('быть, существовать, иметь место'). В новогреческих переложениях древнегреческий глагол последовательно заменяется глаголами и безглагольными конструкциями с абстрактно-бытийным значением. В церковнославянской и русской традиции глагол *лежати/лежать*, подчеркивающий статальность и нефункциональность, сохраняется вплоть до СП. В современных переводах вместо него используются конструкции с бытийным значением, без подчеркивания статальности.

Лк. 12:19: ψυχὴ, ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ κεῖμενα εἰς ἔτη πολλὰ,

MNB: Ψυχὴ, ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ ἐναποτεταμειυμένα δι' ἔτη πολλὰ,

NTV: Ψυχὴ, ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ, γιὰ πολλὰ χρόνια·,

FPB: Ψυχὴ μου, ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ ἀποταμειυμένα γιὰ πολλὰ χρόνια,

TGV: τώρα ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ, που ἀρκοῦν γιὰ χρόνια πολλὰ,

OE: доуше имааши мно́го добро *лежаще* на мно́га лѣта,

СП: душа! много добра *лежит* у тебя на многие годы,

РВ: Теперь у тебя много добра, *хватит* на долгие годы,

WBTC: Много добра *запасено* у тебя на долгие годы.

Особый случай употребления данного глагола содержится в Лк. 2:34. Предсказание Симеона относительно Младенца Иисуса совмещает в себе позиционную (Младенец лежит) и экзистенциальную семантику. Древнегреческий текст содержит оксюморонный образ, построенный на противопоставлении горизонтальной позиции и пассивного статального состояния Младенца его потенциальной способности быть каузативом изменения вертикальной позиции на горизонтальную или наоборот (падение / восстание) целого народа. Новогреческие переложения актуализируют исключительно экзистенциальную семантику, теряя образность древнегреческого текста, в русской же традиции, за исключением WBTC, используется позиционный глагол, делающий антитезу оригинала еще более выразительной (см. особенно РВ, где замена существительных *падение* и *восстание* на однокоренные глаголы создает образ, основанный на противопоставлении двух глагольных позиционных лексем):

Лк. 2:34: ἰδοὺ οὗτος κεῖται εἰς πτώσιν καὶ ἀνάστασιν πολλῶν ἐν τῷ Ἰσραὴλ,

MNB: Ἰδοὺ, οὗτος κεῖται εἰς πτώσιν καὶ ἀνάστασιν πολλῶν ἐν τῷ Ἰσραὴλ,

NTV: Αὐτὸς εἶναι προωρισμένος διὰ τὴν πτώσιν καὶ ἀνύψωσιν πολλῶν μεταξύ τοῦ Ἰσραὴλ,

FPB: Δες, αὐτός ἔχει οριστεῖ γιὰ πτώση καὶ ἀνύψωση πολλῶν μέσα στον Ἰσραὴλ,

TGV: Αυτός θα γίνεи αιτία να καταστραφούν ή να σωθούν πολλοί Ισραηλίτες,

OE: се *лежитъ* съ на падение и на въстание мно́гомъ въ израили,

СП: се, *лежит* Сей на падение и на восстание многих в Израиле,

РВ: Вот *лежит* тот, из-за которого многие в Израиле падут и многие встанут,

WBTC: Многие среди народа Израильского будут повержены во прах, и многие возвысятся от этого Младенца.

5. Для описания горизонтального позиционного состояния человека (как правило, в результате тяжелой болезни) в греческом евангельском тексте используются:

5.1. Медиопассивные формы каузатива βάλλω 'бросать, ударять, поражать' в четырех контекстах: Мф. 8:6; Мф. 8:14; Мф. 9:2; Лк. 16:20. Во всех церковнославянских и русских переводах данному употреблению глагола соответствует глагол *лежати/лежать*, в то время как большинство новогреческих переложений заменяют глагол сочетанием вспомогательного глагола с прилагательным (*быть лежащим*):

Мф. 8:6: ὁ παῖς μου βέβληται ἐν τῇ οἰκίᾳ παραλυτικός,
 MNB: ὁ δοῦλός μου κεῖται ἐν τῇ οἰκίᾳ παραλυτικός,
 NTV: ὁ δοῦλός μου εἶναι κατάκοιτος εἰς τὸ σπίτι,
 FPB: ο δοῦλος μου κεῖτεται παράλυτος στο σπίτι,
 TGV: ο δοῦλος μου εἶναι κατάκοιτος στο σπίτι,
 OE: отрокъ мои *лежить* въ домоу ослабленъ,
 СП: слуга мой *лежит* дома в расслаблении,
 PB: у меня дома *лежит* слуга, разбитый параличом,
 WBTC: Мой слуга *лежит* дома парализованный.

5.2. Приставочный дериват глагола *κεῖμαι* – *κατάκειμαι* со статальным позиционным значением ‘лежать, быть прикованным к постели’ в пяти контекстах: Мк. 2:4; Лк. 5:25; Лк. 5:29; Лк. 24:30; Ин. 5:3. В большинстве своем новогреческие переложения передают статальную семантику причастной конструкцией, сохраняя позиционное значение. Попытка калькирования приставочной структуры (OE – *σπележати*) из-за семантической избыточности, а также вследствие возникшего противоречия между развившимся значением предельности пространственных приставок и онтологической неопределенностью основ позиционных глаголов не закрепляется в переводе, в последующих версиях используется бесприставочный позиционный глагол. В целом в современном русском языке невозможны приставочные образования от статальных основ и пространственных приставок (вроде древнерусских *належати*, *облежати*, *прилежати*), так как «предельность пространственных префиксов привела к невозможности их сочетаний со статальными основами и исчезновению соответствующих словообразовательных типов» [Табаченко, 2010, с. 28]. При этом с непространственными приставками эти глаголы сочетаться могут: результативность приставки направлена не на состояние лежания, а на результат на другом уровне одушевленного агенса: вылежать что-либо, перележать кого-либо (в соревновании), отлежать бок (о трансформации в объект и результат различных фрагментов называемого приставочным глаголом полиситуативного комплекса см. [Лебедева, 2010]).

Тем не менее глагол *σπележати/σπележать* в значении ‘болеть, лежать больным’ продолжал употребляться в русском языке вплоть до XVI века [Табаченко, 2011, с. 276] (ср. современный автокаузатив *сlechъ* ‘серьезно заболеть’, т. е. лежать без возможности подняться), а также сохранился в русских народных говорах в следующих значениях: 1) несов. неперех. ‘лежать (о человеке)’; 2) сов. ‘пробыть на каком-л. месте лежа; улежать, полежать где-л.’ [СРНГ, вып. 38, с. 252]. Примечательно, что семантика приставки в церковнославянском языке в ряде случаев была переосмыслена как комитативная ‘лежать вместе с кем-л.’ со ссылкой на один из вышеуказанных контекстов (Ин. 5:3) [САР, т. 3, ст. 1172; Слов. Акад., 1847, кн. II, с. 146].

Мк. 2:4: ἐφ’ ᾧ ὁ παραλυτικός κατέκειτο,
 MNB: ἐφ’ οὔ κατέκειτο ὁ παραλυτικός,
 NTV: ὅπου ἦσαν ξαπλωμένος ὁ παραλυτικός,
 FPB: ἐπάνω στο οποίο ἦταν ο παράλυτος,
 TGV: πάνω στο οποίο ἦταν ξαπλωμένος ο παράλυτος,
 OE: на нѣмъже ослабленъи *сѣлежааше*,
 ГБ/ЕБ: на немже раслабленъи *лежаше*,
 СП: на которой *лежал* расслабленный,
 PB/ WBTC: на которой *лежал* парализованный.

6. Другой приставочный дериват глагола *κεῖμαι* – *ἀνάκειμαι* – использовался в семи Евангельских контекстах (Мф. 9:10; Мф. 22:10; Мф. 22:11; Мф. 26:7; Мк. 16:14; Ин. 6:11; Ин. 12:2), а также в сочетании с комитативной приставкой *συν-* (*συνανάκειμαι*) в четырех контекстах (Мф. 9:10; Мк. 2:15; Мк. 6:22; Лк. 7:49). Данный греческий глагол употреблялся с актант-ми-лицами для обозначения полулежачей позиции, занимаемой при трапезе. Позиционная семантика этого глагола (горизонтально-вертикальная) приближается к значению глагола *сидеть* (ср. глагол *κάθομαι* ‘сидеть’, преобладающий в новогреческих переложениях, а также соответ-

ствующий перевод в РВ). В церковнославянской традиции, а также в СП употребляется калька *възлежати/возлежать* (в последнем и автокаузатив *возлечь*), где горизонтальная позиционная семантика корня сочетается с вертикальной семантикой приставки. Это один из немногих сохранившихся в современном русском языке позиционных глаголов состояния с пространственной приставкой. В качестве архаизма его используют для стилизации или для описания античных пиров, а также как средство иронии для подчеркивания мнимой торжественности момента.

Отметим также, что ряд современных переводов или переложений (NTV, TGV, WBTC) в принципе отказывается от передачи позиционной или пространственной семантики глагола, концентрируясь исключительно на его вторичном значении ‘участвовать в трапезе, есть’. В других случаях (TGV, СП) статальные глаголы заменяются на автокаузативы, которые в истории русского языка могли их заменять. Комитативная семантика, выражаемая приставкой *συν-*, не передается ни одной из проанализированных церковнославянских и русских глагольных форм, для ее актуализации используются предложно-падежные конструкции (предлог *с* + творительный падеж) и/или лексические средства (наречие *вместе*, словосочетание *за одним столом*) [Panin, Borisova, 2019]. Отметим, однако, что в лексикографических источниках зафиксирован калькированный глагол *совозлежать* ‘сопиршествовать, соучаствовать въ пировании’ [САР, т. 3, ст. 1164; Сл. Акад. 1847, кн. II, с. 171].

Мф. 9:10: Καὶ ἐγένετο αὐτοῦ ἀνακειμένου ἐν τῇ οἰκίᾳ καὶ ἰδοὺ πολλοὶ τελῶναι καὶ ἁμαρτωλοὶ ἐλθόντες συνανέκειντο τῷ Ἰησοῦ,

MNB: Καὶ ἐνῶ ἐκάθητο εἰς τὴν τράπεζαν ἐν τῇ οἰκίᾳ, ἰδοὺ, πολλοὶ τελῶναι καὶ ἁμαρτωλοὶ ἐλθόντες συνεκάθηντο μετὰ τοῦ Ἰησοῦ,

NTV: Καὶ ἐνῶ αὐτὸς ἐκαθότανε εἰς τὸ τραπέζι εἰς τὸ σπίτι, ἦλθαν πολλοὶ τελῶναι καὶ ἁμαρτωλοὶ καὶ ἔτρωγαν μαζί με τὸν Ἰησοῦν,

FPB: Καὶ ἐνῶ καθόταν στο τραπέζι, στο σπίτι, νάσου! πολλοὶ τελώνες καὶ ἁμαρτωλοί, που εἶχαν ἐρθεῖ, συγκάθονταν μαζί με τὸν Ἰησοῦ,

TGV: Εὐὶ ἔτρωγε στο σπίτι, ἦρθαν πολλοὶ τελώνες καὶ ἁμαρτωλοὶ καὶ κάθισαν μαζί με τὸν Ἰησοῦ,
ОЕ/ГБ/ЕБ: и бысть ѹмоу *възлежащюу* въ домоу и се мнози грѣшници и мытаре пришь-
дыше *възлежаахъ съ* иисоусомъ,

СП: И когда Иисус *возлежал* в доме, многие мытари и грешники пришли и *возлегли* с Ним,

РВ: Когда Иисус *был* у него на обеде, там собралось множество сборщиков податей и прочих грешников, они *сидели за одним столом с* Иисусом,

WBTC: И случилось, что когда Он *ел* в доме у Матфея, то многие сборщики налогов и грешники пришли и *стали есть вместе с* Иисусом.

7. Наконец, в четырех контекстах (Лк. 5:1; Лк. 23:23; Ин. 11:38; Ин. 21:9) употребляется приставочный дериват *ἐπίκειμαι* (‘помещаться на чем-либо’, ‘быть плотно придвинутым к чему-либо’, ‘налегать, напирать’), не имеющий в греческом языке позиционных ограничений. В церковнославянских переводах Евангелия соотносительные по морфемной структуре с греческими приставочные глаголы, употребляясь с актантами-лицами, актуализируют только вторичную метафорическую семантику: *належати* ‘теснить, налегать’ (Лк. 5:1), *прилежати* ‘обращаться с неотступными просьбами, требованиями’ (Лк. 23:23). Новогреческие переложения и русские переводы в принципе отказываются от употребления в таких контекстах глаголов с первичным значением положения в пространстве, передавая только метафорическую семантику. Отметим, что в древнерусских памятниках письменности эти глаголы зафиксированы и в пространственных значениях: *належати* ‘лежать, находиться, располагаться на чем-л.’ [СлДРЯ, т. 5, с. 154], *прилежати* ‘находиться около чего-л., рядом с чем-л.; примыкать к чему-л.’ [Там же, т. 8, с. 470].

В сочетаниях с актантами, обозначающими неодушевленные объекты, в церковнославянском и русском языках глаголом передается либо статальная семантика греческого корня (*лежати/лежать*, пространственное значение приставки выражается предложно-падежной

конструкцией), либо только семантика приставки (PB/WBTC). Отметим, что в первом случае позиция камня, не конкретизируемая в Евангельском тексте, интерпретируется как горизонтальная, а его положение – над закрываемым отверстием, во втором случае – как вертикальная в положении перед отверстием. Большинство новогреческих переложений выбирают первую интерпретацию, нейтральный вариант содержится в TGV.

Ин. 11:38: ἦν δὲ σπήλαιον, καὶ λίθος ἐπέκειτο ἐπ' αὐτῷ,

MNB: ἦτο δὲ σπήλαιον, καὶ ἔκειτο λίθος ἐπ' αὐτοῦ,

NTV: Ἦτο δὲ τοῦτο σπήλαιον καὶ ἓνας λίθος ἦτο εἰς τὸ στόμιον,

FPB: Υπήρχε δε ένα σπήλαιο, και επάνω του ἦταν τοποθετημένη μία πέτρα,

TGV: Αυτό ήταν μια σπηλιά, που την είσοδό της την ἔφραζε μια μεγάλη πέτρα,

OE/ ГБ/ЕБ: бѣ же пещера и камень *лежааше* на ней,

СП: То была пещера, и камень *лежал* на ней,

PB: Это была пещера, к ее входу *был привален* камень,

WBTC: Она находилась в пещере, вход в которую *преграждал* камень.

Заключение

Подводя итог, отметим принципиально различную концептуализацию статально-пространственного состояния в церковнославянском/русском, древнегреческом и новогреческом языках. В современном русском языке для этого используются статальные позиционные глаголы в сочетании с актантами, обозначающими как людей, так и неодушевленные объекты, и сохраняющие, как правило, следы позиционной семантики (семантические ограничения в сочетаемости глаголов *лежать* и *стоять*). Позиционная семантика глаголов при сочетании с неактивными актантами в ряде случаев оказывается в русском языке избыточной, поскольку их позиция в пространстве однозначно определяется формой и особенностями как объекта, так и пространства, где он находится (умерший в гробу может только лежать, сосуд с водой, не закрытый плотной крышкой, – только стоять). Сопоставительно-исторический анализ показал незначительное изменение семантики и сочетаемости данных глаголов в истории русского языка, в то время как семантика состояния и отсутствие видовых коррелятов приводит к ограниченности потенциала данных глаголов для создания дериватов с пространственными приставками из-за конфликта статальности основы и развившейся предельности (результативности) данных приставок.

Соответствующая глагольная система греческого языка, напротив, претерпела на протяжении истории значительные изменения. В евангельских текстах в пространственно-статальных значениях употребляется глагол *κεῖμαι*, сочетаемость которого ограничена семантически неактивными актантами (неодушевленные объекты, а также умершие или младенцы). Так, данный бесприставочный глагол не выражает позиционную семантику, он приобретает ее лишь в сочетании с пространственными приставками, такими как *ката-* и *ана-*, одновременно получая способность сочетаться с активными актантами. Таким образом, в древнегреческом языке, в отличие от церковнославянского и русского языка, при характеристике статального состояния описывается прежде всего не позиция актанта, а его активность/неактивность. Бесприставочный глагол *лежати/лежать* мог использоваться для перевода трех различных греческих глаголов: *κεῖμαι*, *κατάκειμαι* и *βάλλω* в медиопассивной форме. В дальнейшем греческий язык идет по пути утраты статального глагола (глагол *κεῖτομαι* ограничен в употреблении книжной речью), соответствующая семантика выражается либо абстрактными экзистенциальными глаголами, либо соответствующими каузативами и автокаузативами, что еще больше увеличивает межъязыковую асимметрию.

Более полную сопоставительную картину выражения статальных пространственных и позиционных значений в русском и греческом языках мы можем получить на основе анализа других позиционных глаголов состояния.

Список литературы

- Алексеев А. А.** Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 368 с.
- Жуковская Л. П.** Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 369 с.
- Елоева Ф. А.** Постдиглосное состояние. Случай современной Греции // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб. 2017. Т. 21. С. 976–984.
- Корнева В. В.** Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж. 2006. № 1. С. 154–164.
- Кустова Г. И.** Когнитивные модели в семантической деривации в системе производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
- Лебедева Н. Б.** Полиситуативный анализ глагольной семантики. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2010. 192 с.
- Панин Л. Г.** История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во Новос. гос. ун-та, 1995. 217 с.
- Рахилина Е. В.** Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять, лежать, сидеть* и *висеть* // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69–80.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. II. 709 с.
- Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 1–6. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой. Т. 3: 3–Л. 2002. 832 с. (САР)
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1988–2013. Т. 5. 2002. 647 с. Т. 8. 2008. 768 с. (СлДРЯ)
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репр. изд.: В 2 кн. Кн. II. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. 1092 с. (Слов. Акад. 1847)
- Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. СПб. (Л.): Наука, 1965–2016. Вып. 38. 2004. 372 с. (СРНГ)
- Табаченко Л. В.** Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2010. № 1. С. 7–31.
- Табаченко Л. В.** Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Ростов н/Д, 2011. 451 с.
- Хориков И. П., Малев М. Г.** Новогреческо-русский словарь. М.: Культура и традиции, 1993. 856 с.
- Panin L. G., Borisova T. S.** Comparative Linguistic Textological Analysis as a Means of Research into the Evolution of the Derivation System (On the Early Church Slavonic Translations of Greek Words with the Prefix *συν-*) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Krasnoyarsk. 2019. Vol. 12(10). Pp. 1887–1903.
- Vasileiadis P.** An Overview of the New Testament Translations in Vernacular Greek during the Printing Era // Translating the Bible: Past and Present (in press).
- Μπαμπινιώτης Γ.** Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Β' έκδοση. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2002. 2318 σ.

Список источников

- Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе: В 10 т. М.: Изд-во Московского Патриархата, 1992.
- Библия сиречь книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Санкт-Петербург, 1762. 1308 с.
- Библия. Современный перевод. М.: Всемирный Библейский Переводческий Центр, 2011. 1165 с.

Радостная Весть: Новый Завет в переводе с древнегреческого: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Российской библейское общество, 2007. 608 с.

Η Αγία Γραφή, Τα ιερά γράμματα: Η Παλαιά και η Καινή Διαθήκη στη δημοτική. Αθήνα: Πέργαμος, 2007. 1780 σ.

Η Αγία Γραφή, Παλαιά και Καινή Διαθήκη. Αθήνα: Ελληνική Βιβλική Εταιρία, 2011. 1973 σ.

Η Αγία Γραφή, Τα Ιερά Κείμενα Μεταφρασθέντα εκ των Θείων Αρχετύπων. Αθήνα: Ελληνική Βιβλική Εταιρία, 2017. 1102 σ.

Η Καινή Διαθήκη του Κυρίου και Σωτήρος ημών Ιησού Χριστού κατά νεοελληνικήν απόδοσιν. Αθήνα: Ελληνική Βιβλική Εταιρία, 2015. 1008 σ.

References

- Alekseev, A. A.** Textology of the Slavonic Bible. Saint-Petersburg, 1999, 368 p. (in Russ.)
- Dictionary of Russian Academy 1789–1794, vol. 1–6. Moscow: E.R. Dashkova Publishing House, 2002, vol. 3: 3–II, 832 p. (in Russ.)
- Dictionary of Old Russian Language (11th – 14th century), vol. 1–10. Moscow: Russian Language, 1988–2013, vol. 5, 2002, 647 p., vol. 8, 2008, 768 p. (in Russ.)
- Dictionary of Church Slavonic and Russian Language, composed by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences, vol. 1–2. Saint-Petersburg: SPGU Publishing House, 2001, vol. 2, 1092 p. (in Russ.)
- Dictionary of Russian Folk Dialects, vol. 1–49. Saint-Petersburg (Leningrad): Nauka, 1965–2016, 2004, vol. 38, 372 p. (in Russ.)
- Eloeva, F. A.** Post-diglossia Period. The Linguistic Situation of the Contemporary Greece. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2017, vol. 21, pp. 976–984. (in Russ.)
- Khorikov, I. P., Malev, M. G.** Modern Greek–Russian Dictionary. Moscow: Culture and Traditions, 1993, 856 p.
- Korneva, V. V.** Linguistics in the Vastness of Space (review of recent publications). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2006, no. 1, pp. 154–164. (in Russ.)
- Kustova, G. I.** Cognitive Models in Semantic Derivation in the System of Derived Meanings. *Topics in the Study of Language*, 2000, no. 4, pp. 85–109. (in Russ.)
- Lebedeva, N. B.** Multi-Situational Analysis of Verbal Semantics. 2nd edition. Moscow: LIBROCOM Publishing House, 2010, 192 p. (in Russ.)
- Μπαμπινιώτης, Γ.** Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Β' έκδοση. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2002, 2318 σ.
- Panin, L. G.** History of Church Slavonic Language and Linguistic Textology. Novosibirsk: NSU Publishing House, 1995, 217 p. (in Russ.)
- Panin, L. G., Borisova, T. S.** Comparative Linguistic Textological Analysis as a Means of Research into the Evolution of the Derivation System (Based on the Early Church Slavonic Translations of Greek Words with the Prefix συν-). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Krasnoyarsk, 2019, vol. 12(10), pp. 1887–1903.
- Rakhilina, E. V.** Semantics of Russian “Positional” Predicates: стоять, лежать, сидеть and висеть. *Topics in the Study of Language*, 1998, no. 6, pp. 69–80. (in Russ.)
- Russian Grammar. Moscow: Nauka, 1980, vol. 2, 709 p. (in Russ.)
- Tabachenko, L. V.** Prefixed Positional Verbs in the History of the Russian Language. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2010, no. 1, pp. 7–31. (in Russ.)
- Tabachenko, L. V.** Prefixed Positional Verbs in the History of the Russian Language: Multiaspect Analysis. Doctor of Science Thesis in Philology. Rostov on Don, 2011, 451 p. (in Russ.)

Vasileiadis, P. An overview of the New Testament Translations in Vernacular Greek during the Printing Era. *Translating the Bible: Past and Present* (in press).

Zhukovskagia, L. P. Textology and Language of the Early Slavonic Manuscripts. Moscow: Nauka, 1976, 369 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Борисова Татьяна Станиславовна, доктор филол. наук, доцент Афинского национального университета им. И. Каподистрии, Философский факультет, Афины, Греция

Табаченко Людмила Владимировна, доктор филол. наук, профессор Южного федерального университета, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Ростов-на-Дону, Россия

Information about the Authors

Tatiana S. Borisova, Dr. Habil., Associate Professor, National and Kapodistrian University of Athens, School of Philosophy, Athens, Greece

Lyudmila V. Tabachenko, Dr. Habil., Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Статья поступила в редакцию 01.05.2022;

одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 27.07.2022

The article was submitted 01.05.2022;

approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 27.07.2022